
И. Философско-религиозные аспекты творчества Ф. М. Достоевского

УДК 82.161.1

К. А. Баршт
Санкт-Петербург, Россия

СТАРЕЦ ЗОСИМА, АЛЁША КАРАМАЗОВ («БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО) И АРХИМАНДРИТ ФЕОДОР
(А. М. БУХАРЕВ)¹

ELDER ZOSIMA, ALYOSHA KARAMAZOV
(THE BROTHERS KARAMAZOV BY F. M. DOSTOEVSKY) AND
ARCHIMANDRITE THEODORE (A. M. BUKHAREV)

Аннотация. В статье анализируется влияние, которое оказали на творчество Достоевского труды архимандрита Феодора (А. М. Бухарева) «О православии в отношении к современности» (1860) и «О современных духовных потребностях мысли и жизни, особенно русской» (1865). В частности, на сюжетную линию старца Зосимы в романе «Братья Карамазовы»: идеологическое содержание, стилистика и сама форма его бесед и поучений чрезвычайно напоминают книгу Бухарева «О современных духовных потребностях...», написанную в жанре разговора умудренного опытом священника с ищущим Бога и сомневающимся молодым человеком. Основная мысль Бухарева, с которой он вступил на общественное поприще и за которую впоследствии пострадал – проведение новозаветных правил жизни в реальное повседневное существование человека, с отказом от всех форм язычества и фарисейства. Эту же мысль проводит в своих писаниях Зосима, в своей «деятельности» Аляша Карамазов, эта же мысль лежала и в основе идеологии «почвенничества», которой посвятил последние двадцать лет своей жизни Достоевский.

Abstract. The article analyzes the influence that the works of Archimandrite Theodore (A.M. Bukharev) "On Orthodoxy in relation to modernity" (1860) and "On the modern spiritual needs of thought and life, especially Russian" (1865) had on Dostoevsky's works. In particular to the plotline of Elder Zosima in the novel "The Brothers Karamazov": the ideological content, style and the very form of his conversations and teachings are extremely reminiscent of Bukharev's book "On Modern Spiritual Needs ...", written in the genre of a conversation between a wise priest with a God-seeking and doubting young man. The main idea of Bukharev, with which he entered the public field and for which he subsequently suffered, was the implementation of the New Testament rules of life into the real everyday existence of a person, with the rejection of

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 18-18-00263, <https://rscf.ru/project/18-18-00263/>, ИРЛИ РАН.

all forms of paganism and Pharisaism. The same thought is carried out in his writings by Zosima, in "activity" of Alyosha Karamazov, the same thought was at the heart of the ideology in "pochvennichestvo", to which Dostoevsky devoted the last twenty years of his life.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, А. М. Бухарев, «Братья Карамазовы», старец Зосима, Новый Завет Иисуса Христа

Key words: F.M. Dostoevsky, A.M. Bukharev, "The Brothers Karamazov", Elder Zosima, The New Testament of Jesus Christ

Жизнь и творения архимандрита Феодора – яркое явление в истории Церкви и в целом существенная часть христианской культуры Нового времени, занимавшая значительное место в жизни русского общества во второй половине XIX века, не устарели его идеи и по сей день. Об этом свидетельствует нарастающее из года в год количество научных трудов о нем, равно светских философов и лиц, облеченных духовным званием¹.

Большая полемика вокруг трудов архимандрита Феодора, в особенности его книги «О православии в отношении к современности»² и «О современных духовных потребностях мысли и жизни, особенно русской. Собрание разных статей А. Бухарева»³, не прошли мимо внимания Достоевского, равно как и другие его труды – о Новом Завете, об апостоле Павле, о книге Иова и др. Комментаторы Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского отметили, что присутствующая в «Братьях Карамазовых» интерпретация «Книги Иова» состоялась не без влияния труда А. М. Бухарева «Святой Иов Многострадальный. Обзорение его времени, и искушения по его книге»⁴, который был «небезызвестен Достоевскому» (17, 311)⁵, равно как и другие его книги⁶. Труды Бухарева, а также его «подвиг» – отказ от сана архимандрита в 1860-е гг. вызвали бурную реакцию в обществе, «потрясение во всех религиозных кругах, в том числе и среди поклонников и учеников»⁷. История о. Феодора, искавшего свой личный путь к Христу, стала одной из основных тем русской публицистики в 1860-ые – 1870-е гг. Среди изданий, вносящих существенный вклад в обсуждение, можно назвать

¹ Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев): Pro et Contra. Личность и творчество архимандрита Феодора (Бухарева) в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб., РХГА, 1997. С. 772–782.

² М.: Странник, 1860. 324 с.

³ М.: Изд. А. И. Манухина, 1865. 635 с.

⁴ М.: Изд. А. И. Манухина, 1864. 107 с.

⁵ Здесь и далее сноски на тексты Ф. М. Достоевского приводятся по изданию: Полное собрание сочинений в 30 т. Л., 1972–1990, с указанием номера тома и страницы.

⁶ См.: Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев): Pro et contra. С. 766–767.

⁷ Егоров Б.Ф. От Хомякова до Лотмана. История русской литературы и культуры. М., 2018. С.120.

книгу М. П. Погодина¹, статьи А. В. Старчевского в «Сыне отечества», многообразные публикации в журналах «Странник», «День» и др.² О личности Бухарева, обладавшего, по мнению Знаменского, «младенчески чистой душой»³, было написано немало верных слов, что касается его трудов, П. А. Флоренский справедливо отметил, что «архимандрит Феодор – одно из наиболее важных бродильных начал» русской общественной жизни, а для «Серебряного века» — «родоначальник религиозного и отчасти литературного течения...»⁴. К этому мнению присоединялся Н. А. Бердяев, многие идеи «Смысла творчества» которого, со всей очевидностью, почерпнуты из трудов Бухарева: «Он интегрировал человечность целостному христианству. Он требует приобретения Христа всей полнотой человеческой жизни. Всякая истинная человечность для него Христова. Он против умаления человеческой природы Христа, против всякой монофизической тенденции»⁵. С. Булгаков ставил Бухарева в один ряд с самыми выдающимися гениями земли русской – прп. Серафимом Саровским и А. С. Пушкиным⁶.

Достоевский обращался к личности и трудам Бухарева в начале 1860-х гг., защищая его от нападок со стороны ретроградов (В. И. Асоченного и его «Домашней беседы», А. Загоскина и др.) статьей А. А. Григорьева «Оппозиция застоя»⁷. Нет больших сомнений, что Достоевский присоединялся к мнению Григорьева, а также он был знаком с книгами Бухарева «Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году», «Несколько статей о Святом Апостоле Павле». Согласно воспоминаниям вдовы Бухарева, «Достоевский сам, еще во время издания “Эпохи”⁸, сочувственно отзывался об Александре Матвеевиче и с укором относился к другим за враждебное к нему отношение»⁸. Работа Достоевского как редактора «Времени» вызвала доброжелательную оценку архимандрита Феодора, который отметил, что редактор журнала «образа мыслей свежего, жизненного во многом, только еще не зрелого, не довольно точного или не совсем отчетливого»⁹. В 1867 г.

¹ Погодин М. П. Простая речь о мудреных вещах. 2-е изд. М.: Типография В. М. Фриш, 1874. С. 108–109.

² Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев): Pro et contra. С. 783.

³ Лаврский В. В. Мои воспоминания об архимандрите Феодоре // Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев): Pro et contra. С. 233.

⁴ Письма архимандрита Феодора (Александра Матвеевича Бухарева) к казанским друзьям: В. В. Любимовой, А. И. Дубровиной и протоиерею В. В. Лаврскому / Издал и пояснил примеч. свещ. Павел Флоренский. Сергиев Посад, 1917. 136 с.

⁵ Бердяев Н. А. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. С. 127.

⁶ Булгаков С. Н. На пиру богов // Булгаков С. Н. Сочинения в 2-х тт. Т. 2. М., 1993. С. 589.

⁷ Григорьев А. А. Оппозиция застоя. Черты из истории мракобесия // Время. 1861. № 5. Май. С. 1-35.

⁸ См.: Серебренников Н. В. Архимандрит и отделение критики: Судьба Бухарева // Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев): Pro et contra. С. 12.

⁹ О современных духовных потребностях. С. 359.

Бухарев написал статью «О романе Достоевского “Преступление и наказание” по отношению к делу мысли и науки в России», в 1870 г. доработал, однако опубликована она была, к сожалению, лишь после смерти писателя.

Впервые мысль о необходимости духовного преобразования русской жизни была высказана Бухаревым в книге: «О Православии в отношении к современности» (1860), где были утверждены религиозно-нравственные основания культуры, способной уберечь человека от экзистенциального кризиса. Основным публицистическим и религиозно-философским достижением А. М. Бухарева считается его книга «О современных духовных потребностях мысли и жизни, особенно русской. Собрание разных статей А. Бухарева» (М., 1865), в которой он поставил вопрос о необходимости глубокой христианизации русской общественной жизни. Основная идея архимандрита Феодора, на которой зиждется все, что он писал и говорил, – необходимость проникновения Духа Христова в жизнь русского общества, не показная и парадно-демонстрационная, но сущностная. В своем последнем письме, своего рода завещании, он писал: «я верую в Господа, умершего за беззаконных и грешных, а потому в жизни над человеком или целым родом вижу не столько гнев, сколько милость Божию, вводящую грешных в соучастие, волею или неволею, в спасительных страданиях Агнца Божия, вземлющего грехи всего мира. Вера, настроенная таким образом, будет молитвенно привлекать к себе и другим милующую благодать Христову»¹. Зосима практически повторяет эту мысль в своих «беседах»: «Братья, не бойтесь греха людей, любите человека и во грехе его, ибо сие уж подобие божеской любви и есть верх любви на земле» (14. 289).

В связи с этим Н. Н. Бердяев писал: «Понимание Бухаревым христианства можно было бы назвать панхристизмом. Оригинальность его была в том, что он не столько хотел осуществления в полноте жизни христианских принципов, сколько приобретения полнотой жизни самого Христа, как бы продолжения воплощения Христа во всей жизни»². Именно в таком направлении двигалась и мысль старца Зосимы из романа «Братья Карамазовы».

Краткое замечание на эту тему было сделано Серебрянниковым, он отметил, что учение Бухарева о «дейательной любви» получило свое отражение «в беседах старца Зосимы», к сожалению, не раскрывая, что именно и в каких аспектах было отражено. Значение этой связи для понимания смысла романа «Братья Карамазовы» настолько существенно, что не может быть оставлено в столь неопределенном состоянии. Если Бухарев считал, что значение Нового завета заключается в руководстве ко спасению, дости-

¹ Илинский П. А. Из воспоминаний об Александре Матвеевиче Бухареве (бывшем архимандрите Феодоре) // Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев): Pro et contra. С. 100–101.

² Бердяев Н. А. Русская идея. Париж: YMCA-PRESS, 1971. С. 186–187.

жению истинного назначения человеческого во всех отношениях, то Достоевский был уверен в том, что человеческая жизнь не может состояться без опоры на связь с Богом и следования по пути Иисуса Христа. В этом движении к нравственному идеалу нет места двум отклонениям, разъедающим нравственную основу русской жизни, – «духовному иудейству» (непримиримо-судебному отношению к ближнему своему на основе принципа «око за око») и «духовному фарисейству» (замене подлинной внутренней устремленности к Христу безразличным дежурным участием в церковных обрядах), писал архимандрит Феодор. И то и другое есть одно из следствий резкой границы, отделяющей жизнь верующего в церкви и вне ее¹. Эту мысль о. Феодор проводил и в беседах с митрополитом Филаретом, который в конечном итоге его понял и «утешил ласковым приемом и благословением»².

Мысль была простая, но исключительно глубокая и актуальная: человек должен выстраивать все свои поступки в реальной жизни не только согласно существующим юридическим положениям, но и по духу Христову, освобождаясь от того, что в сущности своей, суть «язвы и струпы той духовной проказы», которой больны многие христиане³. Эта «духовная проказа» ведет к тому, что «мысль и вся жизнь человеческая поставляется, устрояется и развивается в отдельности и независимости от Христа Спасителя или только почти в одной наружной чисто формальной подчиненности Ему и потому глубоко, хотя и не так заметно, заражается и оскверняется духом нестроения, нечистоты, безобразия и растления»⁴. В этой же тональности Достоевский писал в конце февраля 1854 года декабристке Н. Д. Фонвизиной: «я сложил в себе символ веры, в котором все для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной». (281, 176)

Относящихся формально к этому вопросу и следующих не столько духу, сколько букве Нового завета, Бухарев назвал «иудействующими в христианстве» или «современными иудеями»⁵, призывая их получше вчитаться в Евангелие и увидеть свою ошибку, найдя для себя нужное вразумление. Отрицая ветхозаветное отношение к Богу, он требовал снизить накал

¹ Феодор, архим. Несколько статей о св. Апостоле Павле. СПб., 1860. С. 8

² Бухарев А. М. Воспоминания о митр. Филарете // Православное обозрение. 1884. Апр. С. 746.

³ О православии в отношении к современности. С. 209.

⁴ Там же. С. 210.

⁵ Бухарев А. М. О Новом Завете. С. 25, 30, 34, 36, 43, 50, 55 и др.

«жреческой» функции священников, приблизив их к народу и к реальной жизни. Подобным образом и инок, по Зосиме, находящийся на незримой границе, отделяющей сакральное пространство монастыря от светского мира, принадлежа им обоим, важнейшее промежуточное звено между миром Церкви и обществом, в этом его спасительное для страны назначение. Этому вопросу посвящена глава «Записок» Зосимы «Нечто об иноке русском и о возможном значении его»: «от сих кротких и жаждущих уединенной молитвы выйдет, может быть, еще раз спасение земли русской!» (14, 284).

Этот пафос спасительной для каждого человека и для человечества любви к ближнему, отрицание фарисейского отношения к вере, стремление к прощению другого и жертвы собой ради него, свойственный всем писаниям архимандрита Феодора, пронизывает все его произведения, полностью совпадая по тональности с «Записками» старца Зосимы. Это касается и важнейшего вопроса – отношения к верующим и неверующим.

Следует отметить, что Достоевский с уважением относился к любой искренней и честной мысли, даже если она была далека от его идеалов. Этому вопросу посвящена статья «Дневника писателя» 1873 года «Одна из современных фальшей», где он свидетельствовал, что даже нигилист ему милее, чем тупой, пребывающий в животном состоянии обыватель (21, 129), ему были милы честные «искатели высшей идеи» (16, 76), пусть и пребывающие в состоянии отрицания Бога. Писатель многократно цитировал в этой связи «Откровение» Иоанна Богослова: «Знаю твои дела, ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3:15). В романе «Бесы» эта мысль венчает трагический жизненный путь С. Т. Верховенского (10, 497). Писатель не раз высказывался о том, что Христос пришел спасти не праведников, но именно грешный мир. Подобно Достоевскому, Бухарев также искал ростки нравственного сознания у атеистов, «был готов найти потаенный христианский смысл в нравственных исканиях даже своих атеистических противников»¹. С другой стороны, Достоевский в «Братьях Карамазовых» с сомнением отзывался о монахах, умерщвляющих свою плоть, ведь презрение к своему телу ведет к сомнению в мудрости Творца, наделившего человека именно такой телесной оболочкой. Архимандрит Феодор по этом поводу писал: «монах, отрекаясь собственно от похоти плоти, похоти очес и гордости житейской – от этих стихий растленности мирской, не отрекается от дела служения спасению людей в мире сем, напротив равноангельно стремится быть духовным стражем спасения

¹ Серебренников Н. В. Архимандрит и отделение критики. С. 10.

людей, совмещающего в себе все лучшее на всех их путях»¹.

По мнению архимандрита Феодора, любое подчинение своего бытия своей плоти – тяжелая ошибка современного человека. Эта мысль – одна из корневых в «беседах» старца Зосимы: «Понимая свободу как приумножение и скорое утоление потребностей искажают природу свою, ибо зарождают в себе много бессмысленных и глупых желаний, привычек и нелепейших выдумок. Живут лишь для зависти друг к другу, для плотоугодия и чванства» (14, 284). Отсюда исходят все социальные проблемы, ведь «иметь обеды, выезды, экипажи, чины и рабов-прислужников считается уже такою необходимостью, для которой жертвуют даже жизнью, честью и человеколюбием, чтоб утолить эту необходимость, и даже убивают себя, если не могут утолить ее» (14, 284). Ретрограды, такие как А. Загоскин, упрекали Бухарева в том, что действительно составляло центральную ось его богословия – «мирить современные идеи с православием»². В своих трудах Бухарев делал то же самое, что и Достоевский в своих романах 1870-х гг. – связывал жизнь современного человека с христианскими ценностями.

Алеша Карамазов и старец Зосима, составляя в романе Достоевского некое религиозно-нравственное единство, отражают в своих характерах и поступках разные стороны жизни и деяний архимандрита Феодора. Алеша, как и А. М. Бухарев, покидает монастырь, чтобы, подобно Иисусу Христу, в миру проводить в жизнь ценности Нового Завета. Заметим, что, как и Алексей Карамазов, А. М. Бухарев был учеником старца, известного юродивого иерея Петра Томаницкого (1775–1866), многие поступки и жизненные решения, например, решение о создании главного труда жизни, «Исследования Апокалипсиса», проистекают от заветов его духовного учителя. Многие линии сходства между сюжетной линией Зосимы-Алешы и судьбой А. М. Бухарева проходят через «записки» старца Зосимы, некоторые страницы которых выглядят как изложение основных тезисов книг архимандрита Феодора. Старец Зосима проповедовал: «Землю целуй и неустанно, ненасытимо люби, всех люби, все люби, ищи восторга и иступления сего. Омочи землю слезами радости твоея и люби сии слезы твои» (14, 292). Архимандрит Феодор писал: «Его истина, правда, любовь, вообще все о Христе премудрое, благое и прекрасное, все это – доступно и удобосообщаемо нам человекам, если только сами хотим и подвигаемся воспринимать эти сокровища верою»³. Подобно Бухареву, трактует старец Зосима в главе «О аде и адском огне, рассуждение мистическое» понимание ада, как места, в котором «нет любви» (14, 292): «Говорят о пламени адском материальном

¹ Бухарев А. М. О современных духовных потребностях... С. 29

² Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев): Pro et contra. С. 444.

³ Бухарев А. М. О православии в отношении к современности. С. 60.

<...> мыслью, что если б и был пламень материальный, то воистину обрадовались бы ему, ибо, мечтаю так, в мучении материальном хоть на миг позабылась бы ими страшнейшая сего мука духовная» (14, 293). И продолжает: «Да и отнять у них эту муку духовную невозможно, ибо мучение сие не внешнее, а внутри их», это «жажда ответной, деятельной и благодарной любви, которая уже невозможна» (14, 293). Эта мысль выглядит как воспроизведение основной мысли архимандрита Феодора: «Любящим истину предлежит вникать в дело истины без пристрастия и пренебрежения, равно преступных в этом священном для всех деле, от которого зависят все светлые надежды жизни настоящей и будущей. Не принимающие же любви к истине обречены уже за это словом Божиим»¹. Архимандрит Феодор отмечал развращающий русскую жизнь «дух отравляющий и озлобляющий»², о «власти злобы» в современном обществе³, подтверждая эту мысль, старец Зосима говорит о многих, питающихся злобной гордостью (14, 293). Оба писателя в своих произведениях стремились к актуализации мысли о глубокой связи жизни каждого человека и общества в целом с Мирозданием, пытаясь объяснить современникам события в аспекте Божественного Промысла, с целью предотвращения неминуемой катастрофы. Этот пафос пронизывает и все писания А. М. Бухарева и романы Достоевского 1860–1870-х гг. Существующий в обществе раскол между верой и знанием, с образованием зон «светского» и «духовного», которое привело к появлению «специалистов знания» и «специалистов веры», по мнению А. М. Бухарева, губительно для здоровья страны, ведет к разложению культуры на «высшую и низшую», «светскую и духовную», «свободную и догматичную» и т.д. Он призывал христианство к выходу в мир, реальную повседневную жизнь людей, проводя мысль о живом взаимодействии веры и практической деятельности человека, что сможет ликвидировать раскол и спасти мир от гибели. В таком же аспекте видел роль христианства в мире и Достоевский, по словам В. С. Соловьева, «ясновидящего предчувственника истинного христианства»⁴. Оба мыслителя, равно как герои их произведений, были последователями теории и практики исихазма, требовавшей полного слияния жизни и поступков верующего с содержанием его молитвы Иисусу и общей устремленности жизни к слиянию с Богом. Выход Алеши Карамазова из монастыря в мир в «Братьях Карамазовых» и реальный отказ архимандрита Феодора от сана с целью «следования за Христом в миру», несомненно, связаны между собой не только преемственностью, но и смысловым содер-

¹ Бухарев А. М. О современных духовных потребностях... С. V.

² Там же. С.370.

³ Там же. С.170.

⁴ Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991. С. 241.

жанием и указывают на религиозно-философские приоритеты двух писателей. В центре жизни человека, согласно убеждениям А. М. Бухарева и Достоевского, является «христианская деятельность», которая, согласно их убеждению, возможна и необходима при любой профессии и любого рода социальной активности человека: «все может быть поприщем для служения Христу, в Котором одна истина и спасение для всего»¹. Если Бухарев призывал своих современников «деятельно следовать за Христом»², «*выйти из равноангельной обители в мир и здесь явиться эпитимийным грешником*», с целью «последования Божию Агнцу» и «раскрытия Его света для всякой среды мира нашего»³. Такого рода «деятелем» заявлен на первой странице «Братьев Карамазовых» Алеша: «пожалуй, и деятель, но деятель неопределенный, невыяснившийся. <...> он-то, пожалуй, и носит в себе иной раз сердцевину целого, а остальные люди его эпохи — все, каким-нибудь наплывным ветром, на время почему-то от него оторвались...» (14, 5). Духовное лидерство апологета «живого христианства», противостоящего фарисейскому и языческому духу, утверждает Достоевский почти в тех же выражениях, в каких к «деятельности» по Христову Завету призывал и архимандрит Феодор.

Этот прозрачный намек Достоевского добавочно проясняется в финале романа, в сцене христианского общения Алеши и мальчиков у «Ильющечкиного камня». Уже давно замечен символический смысл этого «краеугольного камня» нового здания Церкви, которую несет с собой по завету Зосимы Алеша Карамазов, но сам выбор места для этой импровизированной общей заупокойной молитвы по умершему мальчику отнюдь не случаен. Стоит вспомнить следующее замечание Бухарева: «Пред Отцом Небесным, как пред чистейшим и любвеобильнейшим Духом, благоугодно не такое богослужение и поклонение, которое основывает свою важность только на выборе внешнего места (это лишенное Духа богослужение может ли быть Ему приятно?), но поклонение самым сердцем и умом, поклонение в духе живой веры в Божию во Христе любовь, в духе и силе Божией благодати»⁴. Для Бухарева весь мир — храм Господень, качество и сила молитвы не зависят от топографии ее проведения.

Оба, и Достоевский и Бухарев, трактовали как величайшую ценность христианства лицо самого Христа, в то время как сами слова, с помощью которых Иисус объяснял иудеям смысл новой веры, имеют вторичный по отношению к христовой Истине характер. Бухарев утверждал, что Истина

¹ Бухарев А. М. Моя апология // Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев): Pro et contra. С. 62.

² Бухарев А. М. О современных духовных потребностях... С. 381.

³ Бухарев А. М. Моя апология. С. 52.

⁴ Бухарев А. М. О Новом Завете... С. 61.

не в букве, но в Духе: «возбужденное в учениках Христовых духовное рассуждение только давало им понять, что спасительная истина – не в букве притчей»¹. Работая над романом «Бесы», Достоевский записал, отвечая на критику учения Христа со стороны ряда философов и историков: «А там и учения-то нет, там только случайные слова, а главное, образ Христа, из которого исходит всякое учение. <...> Из Христа выходит та мысль, что главное приобретение и цель человечества есть результат добытой нравственности» (11, 192). На страницах черновиков к «Бесам» и в других записях Достоевского не раз повторяется мысль об Иисусе Христе как максимуме возможности человеческого существа в просвещенности Духом Святым. Писатель настаивал на необходимости максимально возможного нравственно-религиозного приближения к Истине, воплощенной в Христе как спасении от бед, поразивших современное общество. Идея о преодолении мирового зла связывалась писателем с ситуацией, когда «все будут Христы», «все взаимно и будут счастливы», «не будет бедных», станет невозможен «пауперизм», окажутся невозможными «теперешние шатания» (11. 106, 177, 182, 192–193). Эта мысль как бы продолжает проповедь архимандрита Феодора о любви Божией, «по которой Сын Божий для того и сходил на землю, сделался человеком, вошел во все условия земной нашей жизни, чтоб все земное (кроме греха, разумеется) сделать небесным»².

Старец Зосима говорит о том, что в нашей земной жизни «мы как бы блуждаем, и не было бы драгоценного Христова образа пред нами, то погибли бы мы и заблудились совсем, как род человеческий пред потопом. Многие на земле от нас скрыто, но взамен того даровано нам тайное сокровенное ощущение живой связи нашей с миром иным, с миром горным и высшим, да и корни наших мыслей и чувств не здесь, а в мирах иных» (14, 290). Идея всего подзвездного мира как Храма Божьего не раз встречается в произведениях Бухарева. Затрагивая вопрос о «внешней церковности, например — о храмах, о богослужении церковном», он писал: «книга моя говорит прямо о *Божием храме, находясь в котором на небеси стоят мним, по выражению церковной песни*»³. Алеша исполняет это предстояние «мирам иным», переживая откровение Духа Святого: «он плакал в восторге своем даже и об этих звездах, которые сияли ему из бездны, и “не стыдился испустления сего”. Как будто нити ото всех этих бесчисленных миров Божьих сошлись разом в душе его, и она вся трепетала, “соприкасаясь мирам иным”. Простить хотелось ему всех и за все и просить прощения, о! не себе, а за всех, за все и за вся, а “за меня и другие просят”, — прозвенело опять в

¹ Там же. С. 80.

² Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев): Pro et contra. С. 324.

³ Бухарев А. М. О современных духовных потребностях. С. 43.

душе его. Но с каждым мгновением он чувствовал явно и как бы осязательно, как что-то твердое и незыблемое, как этот свод небесный, сходило в душу его. Какая-то как бы идея воцарялась в уме его — и уже на всю жизнь и на веки веков. Пал он на землю слабым юношей, а встал твердым на всю жизнь бойцом...» (14, 328). После гибели о. Феодора среди сочувствующих его идеям священников «укреплялась легенда, что о. Феодор, подобно Агнцу Божьему, принял мир в свои объятия и пожертвовал собою ради общего спасения»¹. Жизнь и писания Бухарева полностью и без всяких оговорок соответствуют выдвинутым им требованиям, заметим, что примерно такова же оценка Алеши Карамазова как «ангела» со стороны других персонажей романа как «ангела во плоти» (14, 24, 25, 97, 100, 130-131, 176-177, 178 и др.). Заметим, что у Бухарева в довольно большом кругу сочувствовавших ему служителей Церкви и мирян сложилась репутация «ангела, сошедшего на Землю»: «укреплялась легенда, что о. Феодор, подобно Агнцу Божьему, принял мир в свои объятия и пожертвовал собою ради общего спасения»². И старец Зосима, и архимандрит Феодор воспринимали жизнь человека как зерно, которое прорастает и может дать «много плода», а может и погибнуть совершенно бесплодно, посев «зерен» происходит «из миров иных», и потому каждое живое существо чувствует и переживает свою причастность к Целому, пребывает в «чувстве соприкосновения своего таинственным мирам иным» и если «уничтожается в тебе сие чувство, то умирает и возвращенное в тебе» (14, 290-291). Для того чтобы это не произошло, пишет Бухарев, «необходимо ныне внимательнее присматриваться к образу и порядку открытия Нового Завета Самим Господом»³. Согласно лежащему в основе этой идеи принципу, человек принадлежит Христу самим фактом своего существования, оправданный искуплением со стороны Спасителя, следовательно, необходимо усвоить и адекватно применить спасительную силу Его подвига. Будто бы предвидя наступление информационной революции XXI века, Достоевский устами старца Зосимы писал о том, что современные средства связи сами по себе не соединят людей в братство, соединяет братское отношение к ближнему, которое может, конечно, использовать современные средства коммуникации: «Уверяют, что мир, чем далее, тем более единится, слагается в братское общение тем, что сокращает расстояния, передает по воздуху мысли. Увы, не верьте такому единению людей». (14, 286)

Суммируя вышеизложенное, можно сделать общий вывод о глубоком и серьезном влиянии книг Бухарева на «Записки» старца Зосимы в «Братьях Карамазовых» Достоевского, в направлениях: теория и практика исихазма,

¹ Серебренников Н. В. Архимандрит и отделение критики. С. 13.

² Серебренников Н. В. Архимандрит и отделение критики. С. 13

³ Бухарев А. М. О Новом Завете. С. VIII.

призыв к «монашеству в миру», отказ от излишней жесткости церковных догм и ритуалов, призыв к свободной вере, которая выражается в практике «старчества» с ее акцентом на живое общение с прихожанами не столько на церковных службах, сколько в процессе живого диалога с ними. Оба писателя предвидели катастрофу, которая неминуемо наступит, если в обществе не воцарится гегемония христианского духа, воспринимали свою деятельность как работу по предотвращению морального и социального апокалипсиса. Достоевский в своей идеологии «почвенничества» требовал установить жизнь каждого человека на нравственно-онтологический фундамент глубокой осознанной причастности его жизни мирозданию, это же требовал и Бухарев, находя 1860-е годы – переходным временем, подобным тому, какое в первые десятилетия Новой эры проходило Слово Божье, переходя от Ветхого к Новому Завету: «должно пользоваться Новым Заветом к просвещению и спасению в наше время, имеющее характер переходного во многих отношениях, это может выясняться из того соображения, насколько в этом времени есть дух древнего иудейства или древнего язычества, для выхода из-под этого пагубного духа в истинный благодатный свет и дух Нового Завета. В этом отношении особенно много можно было бы сказать о приложении порядка открытия Нового Завета к нашему времени для руководства сего последнего к возвышению, особенно над духовным иудейством, чтобы привлечь к Христовой истине и духовно язычеству ющих. Но это требует более собственного внимания и размышления духовного от нас, по особенному положению и нуждам каждого из нас»¹. Этой нуждой, по мнению Бухарева, к которому присоединился и Достоевский, было «поработать Господу» в деле «раскрытия Христовой истины применительно к вопросам жизни»².

Вот к чему сводятся «поучения» старца Зосимы:

1. Мир утопает во зле. Повсеместно царствуют зависть, пьянство, злобная гордость, взаимная ненависть; свобода для каждого обращается в рабство.

2. Лик Божий и правда Его искажены в современном мире, религиозные ценности изгнаны из светского общества, духовное заменено телесным.

3. Социальное равенство без Бога недостижимо, равенство может быть только в Духе. Ныне все друг другу господа в социальном мире, а нужно, чтобы все друг другу стали братьями. Нынешнее положение приведет к тому, что мир будет залит кровью.

¹ Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев): Pro et contra. С. 203.

² Б-в Б. Т. «О современных духовных потребностях мысли и жизни, особенно русской». Собрание разных статей А. Бухарева». Москва, 1865 г. (рецензия) // Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев): Pro et contra. С. 498.

4. Ад – это не телесные мучения, но страдание о бессмысленно прожитой жизни и утраченных возможностях вложить свою душу в любовь к ближнему.

5. Спасительный путь – в любви, корневой основе конструкции Мироздания, любить нужно весь мир, включая грешников, как это делал Христос, нравственный и онтологический центр Мироздания.

6. Функция монаха – любовно хранить «образ Христов», чтобы затем явить его миру. Уединение отшельника от мира имеет минусы, преодолевают его «деятели народные», от них придет спасение России.

7. Значение инока – жизненное единение мирской жизни и духовной возвышенности отшельника, сосредоточенного на следовании Христу. Это полное воплощение идеального христианина по Бухареву.

Оба писателя многократно настаивали на активности человека в этом направлении, формируя тезис о «деятельности», направленной на превращение каждого движения, каждой мысли и каждого слова человека в служение благу ближнего и человечества в целом. Жизнь человека, согласно учению старца Зосимы, есть ответ на подвиг Христа, отдавшего жизнь за его спасение. По логике архимандрита Феодора, «для спасения человека, самовольно уклонившегося от союза с Богом, требуются как сознание вины, так и стремление загладить ее. Таким образом, чтобы спасение, совершенное Господом, действительно спасло человека, так сказать, в нем самом сделалось его личным спасением, для этого человеку необходимо вступить в теснейший союз с Иисусом Христом как Испоручником спасения»¹.

Оба писателя настаивали на необходимости преодолеть все виды раскола в обществе, из которых самым опасным был признан раскол на следующих по пути «Красоты–Добра–Истины» и тех, кто либо противодействует ему, либо полностью равнодушен к вопросам морали и религии. Задача, поставленная архимандритом Феодором, формулировалась как требование «поставить быт под благодать»: «Ведь, в самом деле, невелика находка для христиан и, особенно, для духовенства — улучшить свой земной быт, но не поставив и этот быт сознательно под Христову благодать»; «в заботах о житейских потребностях, и в делах купли и продажи можно быть и действовать со Христом, нисходившим до наших естественных потребностей»².

Отсюда возникал вопрос строительства христианской культуры, основанной, как писал Феодор, на «первоначальных основаниях, в своем живом духе – духе самой благодати и любви Христовой, и при том представляющей в своем открытом свете чрезвычайную новость и для неба, не только что для земли, — привычное, почитаемое уже общим местом, неожиданно

¹ Б-в Б. Т. «О современных духовных потребностях мысли...» С. 493.

² Бухарев А. М. Моя апология. С. 62.

иногда получает светлое и живое значение, — и пред тем же общим местом истины, обычая, учреждения христианского оказывается иногда и образованный человек как невежда пред внезапною доброю и просветительною новостью. И наконец, самый язык и вообще образ речи, имеет и свою занимательность по разнообразно, но стройному соединению в себе ветхого и нового, и доступность не только научному изысканно, но и простому разумению, и особенно, духовную назидательность но снисхождении самого Бога Слова до выражения своих тайн и истин на общеупотребительном человеческом слове»¹. Этими словами, в целом, может быть описана и литературная деятельность Достоевского.

¹ О новом завете С.199–200.